

Гэ Эр был радушно принят секретарем Цюем в кабинете, плюхнулся на стул и сразу перешел к делу: Секретарь Цюй, я не стану ходить вокруг да около. Пришел к тебе с просьбой: мой паренек скоро демобилизуется, очень надеюсь, что ты сможешь устроить его на работу!

Услышав это, секретарь Цюй ответил без малейших колебаний: Без проблем, сейчас мне как раз нужны люди. Я не боюсь, что мне откажут, я боюсь, что он не придет.

Твои слова меня успокоили.

Сколько у вас еще таких, что подлежат демобилизации в этом году? Я беру всех без разбору. Как говорится... напони-ка поговорку? Точно, как Хан Син ведет войско — чем больше, тем лучше.

Дай-ка подумать. Кроме моего сына Фотуна, есть еще Цзян Дацяо и Ши Фоцзы. Говорят, Хан Бичжун переводится из другой части. Наш офицер из Хэнани отправляется на родину, а он из Хэнани переводится в авиационное училище и в местные органы не идет.

Те, кто не идет, нам и не нужны, а те, кто может прийти — всех возьму.

Сквозь клубы табачного дыма, выдыхаемого обоими собеседниками, то и дело доносились расспросы секретаря Цюя о положении дел на местах. Наконец, он сменил тему и спросил: Чжан Юнху все еще любит разъезжать по окрестностям?

Ты про старика Чжэна?! И не говори! Не смотри, что он в годах да прихрамывает, каждые три дня его можно увидеть на большой дороге.

Не смотри, что сейчас он ходит с трудом, в молодости был невероятно проворлен. Бывало, бежит — пятками по ягодицам бьет, быстрее ветра и молнии.

Помолчав немного, секретарь Цюй продолжил расспросы: Раз уж старик Чжэн так неутомим, должно быть, с порядком у вас в округе полный венец?

Конечно, порядок отменный! Слышал я, старик Чжэн через бойню прошел, в нем дух убийцы, грозен без гнева, любую смуту усмирит. Мы то и дело видим его с большим маузером наперевес — расхаживает по всему поселку Личжэнь. Порядок у нас — просто любо-дорого, прямо как у корейской утки, что арбузы тащит — высший класс! Никаких преступлений у нас практически не случается. Заведется какой-нибудь смутьян — стоит ему лишь весточку подать, как тот сам, виноватый, прибегает, на корточках в углу сидит, выговор слушает. Говорят, отчитывает он до того занятно: каждое слово словно плевков, да еще и заикается на каждом слоге. И тем не менее, даже самых прожженных бродяг после его нагоняя как рукой снимает — больше ни за что не повторят.

Секретарь Цюй перехватил инициативу: Вы уж не смейтесь над этим его недугом, он его ради

революции заработал, если точнее — ради меня!

Гэ Эр вытаращил глаза: Как это — ради тебя?

Секретарь Цюй сделал глубокую затяжку и выдохнул густое облако дыма, полностью скрывшее его лицо. Дым быстро рассеялся, и по сосредоточенному выражению его лица Гэ Эр на миг показалось, будто тот снова вернулся на затянутое пороховым дымом поле боя.

Секретарь Цюй начал рассказ: Тридцать лет назад, при освобождении нашего уезда Гуансянь, старик Чжэн был командиром отдельного батальона Гуансяня, а я — всего лишь рядовым разведчиком. Фирменный почерк комбата Чжэна в бою заключался в том, чтобы идти ва-банк, имея лишь три доли уверенности против семи риска, поэтому в схватках он всегда шел напролом. В самую пору ему было зваться тигром, срывающимся с горы — его движения и скорость поражали своей стремительностью. Однажды я переоделся сборщиком навоза и отправился разведывать обстановку, обнаружил в Хуцзябане под горой Цзюньшань шайку бандитов Чэнь Бесаня. Точной численности я не знал, поэтому подобрался ближе к селению. На окраине старушка резала лук-порей, и я завел с ней разговор. Глаз у бабульки оказался на редкость наметанный — она с первого взгляда признала во мне бойца Народно-освободительной армии и принялась гнать прочь, предупреждая, что в селе полно бандитов и живым от них не уйдешь. Я спросил, сколько их, а она отвечает: Главарь бандюг приказал готовить еду по шесть человек на двор, а дворов у нас восемнадцать, сам считай! Я вот лук режу, пельмени им леплю, мне спешить надо, а то не миновать беды. Я выпустил почтового голубя с донесением комбату Чжэну, и тот, прикинув, что врагов всего сотня с небольшим, привел с собой около ста человек. Бандиты как раз отобедали, ковыряли в зубах, мурлыкали песенки и волокли винтовки, выходя из села. Встретили они на свою голову кару небесную: мы обрушили на них шквальный пулеметный огонь с возвышенности, уложив не меньше полусотни трупов, и те испуганно забились обратно в деревню. Мы уже торжествовали победу, как вдруг — богомол ловит цикаду, а позади желтоптица — с тыла на нас хлынули крупные силы бандитов, а деревенская сволочь тоже поперла вперед с оружием наперевес. Тут комбат Чжэн понял, что сведения были ошибочными: какая там мелкая шайка, это же вся банда Чэнь Бесаня высыпала в полном составе! Нас окружили на невысоком земляном холме за Хуцзябаном, мы держались полдня и ночь, отбив двадцать вражеских атак. Начни они двадцать первую, у нас бы патроны кончились. И тогда комбат Чжэн принял волевое решение: будь что будет, прорываться под прикрытием предрассветной тьмы! Кольцо врагов как раз сузилось настолько, что уже были слышны их насмешки и ругань. По команде комбата Чжэн Вперед! мы сотней человек лавиной сорвались с холма. Встречные бандиты с ружьями остоленели от ужаса, даже пальцы на спусковых крючках сжать забыли — у некоторых ружья из рук попадали, а кто-то опускался на колени, вскинув руки. Мы уложили целую прорву врагов, прорвались сквозь окружение, с боями отходя назад, пронеслись стрелой через весь Хуцзябан и быстро вернулись в расположение главных сил. Вернувшись, пересчитали людей — и представь себе, ни одного убитого или раненого, ни единого потерянного ружья! Комбат Чжэн тогда хлопнул меня по плечу и сказал: В бою иной раз приходится рисковать всем, была не была! Чем больше боишься смерти, тем меньше шансов выжить, а чем меньше боишься — тем крепче держишься за жизнь! Позже разведка донесла, что это была хитрость Чэнь Бесаня, который рассчитывал покончить со своим злейшим врагом — бывшим свояком, комбатом Чжэном. Кто же знал, что почти пойманная птица упорхнет!

Гэ Эр снова спросил: А как же старик Чжэн получил ранение?

Секретарь Цюй кашлянул, прочистил горло и продолжил: Эх, как говорится, кувшин у колодца неизбежно бьется, а храбрецу на войне ранений не миновать! Было это третьего марта пятидесятого года. Остатки бандитской шайки Чэнь Бесаня и банды Дин Дая из уезда Дэнсянь провинции Хэнань привели с собой толпу согнанных людей числом больше десятка тысяч и двинулись на наш Гуансянь — в истории это вошло как Третьемартовский мятеж. Тогда секретарь укома Чжан Чжэньян и комбат Чжэн привели всего триста человек на перехват у Цзумэнгуаня, и я отправился с ними. Больше солдат взять было нельзя, потому что основные силы Народно-освободительной армии по приказу Центрального военного совета ушли освобождать Великий Юго-Запад. Кстати, ты знаешь, что на нашей земле Гуансяня есть два географических названия — Сункан и Цзумэнгуань, а знаешь ли ты их смысл?

Не знаю.

Секретарь Цюй пояснил: Само название говорит за себя: в те времена армия и народ династии Сун сражались и сдерживали здесь монгольские полчища, вот эти два имени и остались, об этом и в местных летописях записано. Отсюда видно, какое стратегическое значение имеет военная география Гуансяня — это ключевой проход для наступающей на юг армии. Не стоит преуменьшать значение этих двух холмов, Сункана и Цзумэнгуаня — это последние два горных рубежа на севере и юге, южнее защищаться уже негде.

Секретарь Цюй предложил Гэ Эру выпить чаю и сам сделал пару глотков, чтобы промочить горло. Держа чашку обеими руками, он медленно покрутил ее на столе и спросил: На чем это я остановился в прошлый раз?

На том, как секретарь Чжан и комбат Чжэн взяли всего триста человек для засады на бандитов, и ты тоже пошел с ними.

Секретарь Цюй протянул: Ох, точно, на этом. Черным-черно людей впереди, бандиты сзади. До наших окопов оставалось каких-то сто с небольшим метров, когда секретарь Чжан приказал открыть предупредительный огонь в землю. Пули взметнули вал пыли, заставив толпу испуганно отхлынуть назад. Люди толкались, галдели, никто не хотел умирать впереди. Обезумевшие от страха бандиты расстреляли часть отступавших. Толпа сообразила, что армия стреляет не по ним, и снова побрела к нашим позициям, приблизившись уже на двадцать-тридцать метров. Затесавшиеся в толпе бандиты открыли огонь по нашим позициям и начали забрасывать гранаты прямо в окопы через головы людей, а с тыла внезапно ударили другие бандиты, зажав нас в тиски. Плотный град пуль свистел у меня над головой и прямо у плеча, я оказался совершенно открыт под вражеским огнем, и в любую секунду мог погибнуть. Вдруг черная тень бросилась на меня, словно ястреб на цыпленка, и втиснула в окоп. Оказалось, это комбат Чжэн прыгнул ко мне на помощь, но в этот момент схватил две пули. Тогда секретарь Чжан отдал приказ: Огня не открывать, оружие уничтожить, готовиться к смерти! Секретарь Чжан запретил отстреливаться из опасения задеть невинных людей. Телохранитель комбата тронул меня за руку, призывая помочь. Мы вдвоем подхватили комбата Чжэня и укрылись среди толпы, а благодаря помощи сочувствующих местных жителей сумели вырваться с поля боя. В том бою уцелели только мы трое, а секретарь Чжан и еще более трехсот бойцов погибли. Секретарь Чжан принял самую страшную смерть. По рассказам очевидцев, после пленения он не проронил ни слова, глядя смерти в лицо. Бандитские главари Чэнь и Дин устроили соревнование, у кого изощреннее казнь. Дин предложил растерзать тело пятью быками, но Чэнь заявил, что это банально. Он придумал казнь пятью деревьями. На горе росло много

деревьев, они выбрали в первобытном лесу пять огромных стволов, привязали веревками конечности и голову секретаря Чжана к каждому из них, а затем натянули веревки так, что тело повисло в воздухе, словно парящая над землей гигантская птица Пэн. В сумрачной лесной чаще заранее поставило парадное кресло, и бандитский главарь восседал на нем, закинув ногу на ногу, с длинным чубуком в зубах, слегка запрокинув голову так, чтобы пускать дым в небо, лениво выдувая колечки, словно рыбки пускают пузыри в воде. Выкурив трубку, он выбивал пепел о подошву сапога, и искры разлетались во все стороны. Бандит занес чубук словно саблю, прищурил сузившиеся от ухмылки глазки, из которых сочились два зеленых луча, и ласково опустил латунную чашечку. Бандиты дружно срубили все пять великанов наружу, и под страшный гровер живого секретаря Чжана безжалостно разорвало на пять частей. Когда рухнули деревья, в лес хлынуло море солнечного света, окрасив пролитую секретарем Чжан Чжэньном кровь в переливы чудесной радуги. Натешившись вволю в собственном логове, бандитский главарь увел шайку Дина в уездный город, где устроил чудовищную резню и грабежи. Наконец подросли полевые части нашей армии из Сянчэня, и раненый комбат Чжэн предложил план: лишь небольшая часть сил имитировала штурм города, а главные силы затаились в засаде у Цзумэнгуаня, нанеся тяжелейший удар по возвращавшейся с богатой добычей бандитской своре и отомстив за погибших героев. Пленные рассказали, что хитрый Чэнь Бесань вместе с семьей и приближенными еще накануне сбежал в горы на западе провинции Хубэй. Комбат Чжэн при спасении меня получил два ранения — в щеку и в ногу, из-за чего и остался заикой да хромым. Если бы не спасал меня, с его-то выучкой он легко прорвался бы из кольца целым и невредимым, и уж кто-кто, а он-то больше всех заслуживал места секретаря укома. Партия учла его физические увечья и определила на спокойную, мирную должность, но он бил себя в грудь с такой силой, что гремело на всю округу, заявляя, что у него еще порох есть и удаль при нем, а от безделья он сотоскуется. Вот партийные товарищи и поручили ему отвечать за порядок в вашем поселке Личжэнь. Ему уже за шестьдесят, здоровье слабое, а приходится управлять такой огромной территорией — просто диву даешься. Как только придут эти демобилизованные ребята, я отправлю двоих ему на смену.

Закончив разговор об истории старика Чжэна, оба еще немного подымили и попили чаю, после чего Гэ Эр отодвинул чашку и произнес: Мне пора возвращаться, негоже отвлекать тебя от работы.

Секретарь Цюй проводил его до самых ворот укома, крепко пожимая руку, и они расстались.

Длинная змея (диалектизм).

<http://bllate.org/book/22008/2287961>